

ТРАНСФЕР ЗНАНИЯ И ПЕРЕВОД

В. Демьянков (Москва, Россия)

Небуквальное употребление языковых выражений основано на трансфере знаний из одной области, более непосредственно данной, в другую, данную опосредованно («от известного к неизвестному»). Придя из теории перевода, понятие «трансфер» помогает объяснить многие явления междисциплинарного переноса фигур речи. В частности, в политологической лингвистике таким переносом является употребление термина «гигиена понимания».

Ключевые слова: *трансфер знания, когнитивная инфекция, когнитивная гигиена, междисциплинарные исследования*

KNOWLEDGE TRANSFER AND TRANSLATION

V. Demiankov (Moscow, Russia)

Non-literal use of linguistic expressions is based on “knowledge transfer” from one domain, more immediately given, to a different domain, less immediately given. Studies of “cognitive infection” and “cognitive hygiene” in the framework of multi-disciplinary investigation of fake news are an instance of knowledge transfer. Some hygienic techniques of dealing with such news are demonstrated in this paper.

Keywords: *knowledge transfer, cognitive infection, cognitive hygiene, interdisciplinary studies*

1. Трансфер в переводоведении¹

Понятие «трансфер» используется в переводоведении в значении «перенос некоторого знака как элемента некоторой знаковой структуры (als Element eines Zeichengefüges) и как потенциала формы и функции (als Form- und Funktionspotential) в состав другого знака в качестве элемента другой знаковой структуры [Reiss, Vermeer, 1984: 88]. Очень полезно это понятие при выявлении прямых и/или обходных маневров перевода «трудных» выражений с одного языка на другой, ср. [Luckhardt, 1987: 17]. Сегодня пробил звездный час теоретического переводоведения: понятие трансфера начало очень активно использоваться за пределами своей родной дисциплины. По переносу, трансфером знаний в широком смысле можно назвать передачу от человека к человеку не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе подходов к решению житейских или научных проблем. В узком же смысле трансфер знаний – перенос (чаще всего – расхожих) мнений или теоретических достижений (иногда – и предрассудков) из одной сферы жизни человека в другую. В частности, метафора представляет собой употребление выражения в «переносном» смысле, когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже: это трансфер от известного к неизвестному [Smith, Pollio, Pitts 1981: 932] или, точнее говоря, от знания, непосредственно данного, к знанию, полученному опосредованно.

Выражаясь в терминах теории фреймов, с помощью трансфера знаний заполняются пустующие прорези во фрейме, к которому интерпретатор приходит, пытаясь уяснить смысл языкового выражения, ср. [Carbonell, 1982]. Значение интерпретируемого языкового выражения – это гипотеза о том, к каким предметам это выражение относится, поэтому сам процесс интерпретации можно представить как выдвижение и верификацию гипотез о смысле целого по гипотезам о смысле составных частей. При таком подходе значение языковой единицы и расхожее знание о том, что эта единица выражает, становятся очень близкими понятиями, ср. [Pulaczewska, 1999: 61]. Историческая семантика эмпирически исследует понятие естественного переноса в каждом конкретном языке и стремится выявить универсальное понятие естественного трансфера, ср. [Mackenzie, 1978: 132]. В исследованиях тропов детской речи смотрят на такой трансфер как на особый – «инфантильный» дефицит знаний [Fónagy, 1982: 70]: ведь сфера известного у малыша значительно меньше, чем сфера неизвестного, поэтому практически вся речь его и для него должна быть наполнена тропами. Можно сказать, что малыши к языку идут детскими тропами. При общении ребенка со взрослым трансфер знаний (от взрослого – к ребенку, «сверху вниз») происходит иначе, чем при общении со сверстником («горизонтальный» трансфер) или с младшими (опять-таки трансфер «сверху вниз», но при ином раскладе когнитивных сил), см. [Furth, 1983: 169].

¹ В данном разделе использован текст более ранней публикации автора [Демьянков 2015].

2. Мультидисциплинарность гуманитарных исследований

Гуманитарные науки, помимо сбора материалов в каждой конкретной, иногда очень узкой области, пытаются сегодня выявить механизмы когнитивных процессов в разных сферах человеческого поведения. Эти механизмы исследуются методами разных наук. Мультидисциплинарное исследование дает возможность использовать результаты каждой отдельной дисциплины в рамках смежных дисциплин, тем самым упрощая общую задачу. Междисциплинарный трансфер знаний – адаптация результатов одной науки к контексту других – позволяет достигать успеха в мультидисциплинарных исследованиях. Ученые склонны больше доверять прогрессу в смежной дисциплине (все возможности и ограничения которой знают меньше), чем в родной. Это определяет и отношение к импортируемым знаниям. Этот методологический романтизм – бóльшая притягательность чужого, чем своего – сродни романтизму временному (притягательность далекого прошлого) и географическому (тяга к дальним странствиям). Однако при этом естественно возникают те же проблемы, что и при переводе с языка на язык: возможны недоразумения, вызываемые «ложными друзьями трансфера». Одни и те же термины понимаются также по-разному в разных контактирующих науках.

3. Речь о знании в обыденной речи и в гуманитарных науках²

Например, о «знании» в гуманитарных науках говорят примерно так же, как в обыденной речи. Типовая репрезентация знаний вещественна и занимает место в пространстве-времени. По переносу, о знании тоже говорят как о вещи в пространстве. Например, знания «лежат» в некоторой области, бывают «обширными», «солидными» или «слабыми». И их можно «передать» и «получить». Абстрактная идея представляется как конкретный предмет. Впрочем, к «передаче» знаний в пространстве мы часто относимся с долей скепсиса, о чем свидетельствуют многочисленные сбои в употреблении указанной фигуры речи. Так, нельзя дать взаймы какие-либо знания – но можно знаниями (не всегда «безвозмездно, то есть даром») поделиться. Когда кто-либо «продает» свои знания (чаще, впрочем, выгоднее продать мозги), их у него меньше не становится – вопреки законам сохранения материи. Не так, когда знания (и мозги) «пропивают»: здесь этот закон сохранения бесчеловечен и действует со всей неумолимостью. Знания могут покинуть голову или прийти в нее добровольно (например, «осенить»), однако нельзя их «вернуть за ненадобностью назад» щедрому донору – в отличие от денег и других ценных вещей. Пожалуйтесь кому-нибудь, что отдали Люсе знания английского языка в хорошем состоянии, а назад получили в истрепанном и не полностью! Однако, передавая всю информацию о ком-либо, могут иметь в виду документы, с содержанием которых дарители не успели ознакомиться. После этого широкого жеста у вас, действительно, больше никакой информации может и не остаться – разве что копии или утаенные оригиналы «на черный день». Но со знанием этот номер не пройдет: даже передавая все свои знания о человеке, вы не останетесь с пустой головой, не опустошите подчистую свое хранилище знаний. При всей своей неполноте в обыденной речи, аналогия между передачей предметов и передачей знаний, тем не менее, очень широко эксплуатируется в гуманитарных науках.

4. «Когнитивная инфекция»

Знания можно не только передать и получить, но и «подцепить», как заразу – помимо своей воли. Есть несомненное сходство недостоверной информации с эпидемией, с биологическим оружием и с ядерным взрывом, которые заражают окружающее пространство. Представления и об инфекции, и о знаниях, овладевающих человечеством помимо его воли, покоятся на гипотезе о наличии невидимых мельчайших «возбудителей» и болезней, и информации. При обычной инфекции причина зла лежит в восприимчивости живого организма к болезни, когда организм воспринимает «чужое» как свое. Аналогично и при восприятии чужого сообщения, симптом понимания которого – готовность к действиям, прямо или косвенно задаваемым содержанием самой речи. Вербальное манипулирование подсознанием, в частности, гипнотическое внушение, основано на этом. Когнитивная гигиена направлена на то, чтобы оставить в минимально поврежденном состоянии багаж знаний после атаки «фейковыми» новостями. Приемы «когнитивной гигиены» при интерпретации текста позволят – иногда значительно, но далеко не полностью – нейтрализовать прямое и косвенное искажение информации. Сомнения в адекватности восприятия текста подтверждаются особенно часто, когда читатель боковым зрением замечает несуразницы, противоречия и чувствует недосказанность. Читатель-чистюля должен сказать себе: «Не торопись вводить эту информацию в состав своих несомненных знаний, дальше странные новости получают другое объяснение, и пошатнувшийся мир вернется в равновесие».

2 В разделах 3–6 использован текст более ранней публикации автора [Демьянков, 2016].

5. «Когнитивная инфекция» в СМИ

Основания для читательских подозрений, что не все чисто, дают заголовки в СМИ, выглядящие как утверждения, не совпадающие с содержанием основного текста. Читательская презумпция «надежности» чужого текста тогда серьезно подрывается. Например, одна заметка недавно была озаглавлена так: «Максакова рассказала о романе с Саакашвили» (Ремблер/Новости, 9.08.2017). Рядовой читатель обрадованно-встревожен: «Как, у них был роман? Уж кто-кто, но я-то должен был это знать?». Но первая же фраза самой заметки «тупо» и бессердечно опровергает пресуппозицию существования «романа»: «Вдова экс-депутата Госдумы Дениса Вороненкова Мария Максакова опровергла появившуюся в СМИ информацию о ее романе с бывшим президентом Грузии Михаилом Саакашвили. Об этом пишет «Комсомольская правда»». Статус словосочетания *роман с Саакашвили*, если выражаться со всей одесской прямоотой, таков: «Референта не найдено». И менять свой ценный багаж знаний не надо. Однако след от этой новости не очень благоприятен для репутации Марии Максаковой: «Так вон она какая! Да еще и сама об этом рассказывает...» в данном случае автор заметки только мгновение щекотал нервы своего читателя, поскольку саморазоблачение последовало в следующей же фразе. Однако часто видно невооруженным взглядом, что создатели таких новостей пытаются прочно заложить сомнительные сведения на дно читательской памяти в качестве несомненного знания. Двусмысленные формулировки приобретают смысл, не совпадающий с первой интерпретацией заголовка, только при прочтении той части основного текста, до которой торопливый читатель может даже не дойти. Обвинить автора в клевете в таких случаях нельзя, поскольку эта первая, «целевая», вводящая в заблуждение интерпретация – не единственная. Как мы помним из советской киноклассики, в разговоре запоминается, как звучала самая последняя фраза и кто ее произнес. Эту штирлицевскую мудрость авторы информационных сообщений обогащают следующим наблюдением. Первая фраза потихоньку отложится как несомненная истина, задолго до того как читатель установит другие смыслы неоднозначного высказывания. Иначе говоря, именно самая первая интерпретация успеет оставить свою коварную царапину на знаниях зазевавшегося читателя, а указание на источник из актуальной памяти сотрется. Таким образом, заголовок в СМИ служит в качестве своеобразной коммуникативной «темы», а последняя фраза, сказанная при расставании – «штирлицева рема», и ее впоследствии должны будут вспомнить. «После тебя в прошлый раз ложки пропали». – «Так я их не брал». – «Ну да, мы их-таки вчера нашли, но осадок остался». (Старый одесский анекдот) Так и здесь: ложки найдутся, а «когнитивный осадок» от нечаянно «освоенных» фейковых новостей останется в подсознании читателя-растяпы. Очистить инфицированное подсознание пострадавшего читателя трудно, гораздо лучше новости читать бдительно. Неоднозначность в нашем примере возникла из-за того, автор заметки коварно опустил традиционные кавычки, которые указывали бы на его «остранение» от высказывания. С кавычками же заголовок выглядел бы так: «Максакова рассказала о “романе с Саакашвили”». Почувствуйте разницу с оригиналом: в варианте с кавычками автор не навязывает презумпцию существования референта у злополучного словосочетания.

6. «Когнитивная гигиена»

Другая возможность реализуется читателем, который должен брать именование без кавычек все-таки не голой рукой, а перчаткой, да еще и пинцетом, чтобы гадкий возбудитель не прокусил высококачественную интерпретационную резину. Репрезентация такого прочтения будет содержать установку «так называемый» (роман). Незаражение гарантировано. Подобные элементы репрезентации знания иногда называют, вслед за [Foley, Van Valin 1985], информационной упаковкой. Другой пример: «Стала известна дата импичмента Трампа» (Ремблер/Новости, 9.08.2017). Читатель заинтересован: вот-вот мы узнаем, когда конкретно, какого числа произойдут соответствующие события, чтобы надеть шорты нужного раскраса. Но в тексте далее читаем: «Президентство Дональда Трампа не продлится и года. «Ультраправая элита» США намерена уже к Рождеству выжить неугодного хозяина из Белого дома, заменив его на своего союзника – Майкла Пенса». Итак, настоящий статус словосочетания *дата импичмента Трампа* – отражается гигиенически нейтральным высказыванием: «Референт, возможно, существует». Но когнитивный осадок, если его не нейтрализовать, таков: «Ой, быть импичменту». Наконец, под заголовком «Обнаружена связь принцессы Дианы с КНДР» (Ремблер/Новости, 9.08.2017) читаем: «Британское издание Daily Express узнало о «связи» погибшей принцессы Дианы с Северной Кореей. КНДР использовала образ Дианы для привлечения валюты в страну. В 1980-х годах на территории Северной Кореи были выпущены памятные марки, приуроченные ко дню свадьбы принцессы Дианы и принца Чарльза в 1981 году, а затем в 1982 году к празднованию 21-го дня рождения принцессы Уэльской. [...] такой шаг был сделан для привлечения иностранной валюты». Итак, в самом тексте не утверждается прямо, что принцесса Диана в эту связь вступила: во всяком случае, об этом вступлении заметка скромно и честно умалчивает. Однако читатель, которому некогда знакомиться с самим текстом, подсознательно зарубит «на носу своей памяти»: «Есть мнение, что Диана была севернокорейской шпионкой!» Этот осадок на дне подсознания будет сопровождать неосторожного читателя еще очень долго, если не всю жизнь.

Заклучение

1. Когда-то мало кто сомневался в том, что язык можно изучать исключительно как предмет в себе и для себя. Однако постепенно интерес к тому, что делается на соседних с лингвистикой участках, зародил сомнения в том, что границы между «знанием языка» и «знанием мира» незыблемы.

2. Эмпирическое контрастивное исследование практик речевой манипуляции и противодействия ей в различных национальных культурах представляет очень важную и перспективную мультидисциплинарную область.

3. Когнитивная гигиена должны осуществляться содружеством самых разных дисциплин. Но гигиеническая филология в этом содружестве играет ключевую роль.

4. Здоровая когниция – в здоровом понимании.

Список литературы

- [1] *Демьянков В.З.* О языковых техниках «трансфера знаний» в гуманитарных науках // Вопросы когнитивной лингвистики, 2015. №4 (045). – С. 5–15.
- [2] *Демьянков В.З.* Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики, 2017. №4 (053). – С. 5–13.
- [3] *Carbonell J.G.* Metaphor: An inescapable phenomenon in natural-language comprehension // Strategies for natural language processing / edit. by Lehnert W.G., Ringle M.H. Hillsdale (New Jersey). – London, 1982. – P. 415–434.
- [4] *Fónagy I.* He is only joking: (Joke, metaphor and language development) // Hungarian linguistics / edit. by Kiefer F. – Amsterdam. Philadelphia, 1982. – P. 31–108.
- [5] *Furth H.G.* Beyond societal language: The development of the deaf person // The sociogenesis of language and human conduct / Edit. by Bain B. – New York; London, 1983. – P. 163–171.
- [6] *Luckhardt H.-D.* Der Transfer in der maschinellen Sprachübersetzung. Tübingen, 1987.
- [7] *Mackenzie J. L.* Ablative-locative transfers and their relevance for the theory of case-grammar // Journal of Linguistics, 1978. vol.14, №2. – P. 129–156.
- [8] *Pulaczewska H.* Aspects of metaphor in physics: Examples and case studies. – Tübingen, 1999.
- [9] *Reiss K., Vermeer H.J.* Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. – Tübingen, 1984.
- [10] *Smith M.S., Pollio H.R., Pitts M.K.* Metaphor as intellectual history: Conceptual categories underlying figurative usage in American English from 1675–1975 // Linguistics, 1981. v.19, 9/10, – 911–935.